
AD GLORIAM

«ПОЛЕТА ВОЛЬНОЕ УПОРСТВО» (К 75-ЛЕТИЮ А.В. ГУДКОВОЙ)

*«Нельзя», нам сказали
И затворили врата.
Но все же много врат
Мы прошли. Протеснились.
И «можно» оставалось за нами.
Н.К. Рерих*

Юбилеи настраивают на высокие мысли, добрые воспоминания, поиск лучших слов. Рискую быть пристрастным и сентиментальным. А может ли быть по-другому, если с 18 лет связан с юбилеем сотнями встреч, разговоров, решений, дел в самых разных сферах жизни? Если 30 лет спустя, вопреки превратностям судьбы, мы не стали врагами, а сохранили теплые отношения? Наконец, если понимаешь: то, что ты таков, в этом и его очень большая заслуга. Пройти между Сциллой и Харибдой трудно, но попытаюсь, чтобы мое личное не нанесло существенного ущерба объективности. Надеюсь, что уйти далеко в сторону не дадут автобиографические материалы, которые без всякой правки приведены здесь другим шрифтом. Получается статья в форме диалога, в котором мне предстоит комментировать или дополнять, возражать или соглашаться.

* * *

Детские годы таят в себе целую связку ключей к пониманию особенностей зрелой личности. За эти «невидимые миру» (излюбленные слова и словосочетания А.В. Гудковой выделены жирным шрифтом) качества в их поверхностном выражении человека называют «сложным», «простым», «странным» и т.п. Александру Васильевну такими эпитетами молва наделила с лихвой. А она всегда оставалась сама собой. Ее своенравность и загадочность (порой, как видится со стороны, поддерживает

мые осознанно) прекрасно сочетались с преподаваемыми студентам предметами: археология, этнография, древний Восток... На семинарах по истории Вавилона она то и дело останавливала первокурсников, пытавшихся своими словами передать содержание древних законов: «Достаточно. Вы все равно лучше, чем Хаммурапи не скажете». Думаю, многие из ее «взбрыков» ведут в довоенное детство с ворохом естественных радостей и нештучных страхов.

Я родилась 21 ноября 1930 года в семье Василия Даниловича и Людмилы Петровны Гудковых и была единственным ребенком. Мой отец донской казак из дворянского сословия. По профессии он был горный инженер. Он закончил с отличием в 1914 г. Новочеркасский горный институт, который дал ему блестящее профессиональное образование. Всю жизнь он строил шахты и добывал уголь. Он работал главным инженером угольных трестов в разных местах. Поэтому семья наша часто переезжала с места на место и путешествия стали для меня очень привлекательными с раннего детства. Мама до 1947 г. не работала. Она имела гимназическое образование. Это позволило ей заложить начатки моего образования еще до школы, дома. С нами до самой смерти в 1947 г. жила бабушка, папина мама. Я всегда очень любила своих родителей, гордилась и горжусь ими. Они обладали мощными характерами и изумительной внутренней силой и тонкостью

На мое формирование и мою судьбу сильно повлияло то, что семья совершенно не приняла революцию и новый социальный порядок. Отношение к советской власти было враждебным, но эта враждебность ни в какие внешние действия не выливалась. Точно так же родители не принимали и царскую власть, считая, что она давно себя изжила и делала массу самоубийственных глупостей. Отец много мне рассказывал, например, о Распутине и его камарилье. Я думаю, что родители считали идеалом буржуазную республику. В этой ситуации внутренняя жизнь семьи, о которой мне строжайше запретили где-либо говорить, способствовала развитию аналитического мышления. Подруг у меня почти не было. Я росла в книгах и с книгами. Идеалами семьи были знание, воля, порядочность и чистота на всех уровнях, гуманность, любовь к природе и животным. При всем этом семья была совершенно атеистичной. Основные годы формирования личности с 3 до 8 лет я провела в Средней Азии. Сначала это был Ташкент с очень яркой тогда восточной экзотикой, а потом небольшой шахтерский поселок Кизил-Кия в Ферганской долине у подножия Тянь-Шаня. Фантастические исполинские горы прямо-таки нависали над нашим домом. Кругом было море полудикой природы. В какой-то мере я росла среди узбеков. Те места я всю жизнь вспоминала как земной рай и позднее всегда хотела в него вернуться.

Однако в этом мире все имеет две стороны. Мое сознание в основном пробудилось в 1936-1937 гг. Это были годы страшных репрессий и уничтожения наиболее достойных людей, цвета всех наций, входивших в государство. Уже в этом возрасте мне все это подробно объяснили, в частности, что будет со всей семьей, если отца арестуют. Семья жила в ожидании этого. Но тогда это еще не произошло, хотя были всякие эксцессы, не прошедшие мимо меня. Отец уволился с работы, и мы уехали в подмосковный каменноугольный бассейн, где папа начинал свою профессиональную деятельность. В городе Скопине Рязанской области жили родственники мамы. Там мы и поселились, и я пошла в школу. Потом мы жили на Южном Урале около Челябинска.

В Одессе, в однокомнатной квартире на проспекте Шевченко в годы моего студенчества было тесно от книг, картин с азиатскими археологическими пейзажами и дышащих востоком всяких поделок, а нередко и от шумных гостей. Обсуждали все, что приходило в голову, рассказывали всякие истории, но вот о своем детстве

и семье хозяйка не заговаривала в компании никогда. При этом бытовые элементы, которые регулярно вносила в наше общение А.В. Гудкова, сами за себя говорили.

Дымящийся на огромном блюде плов, приправленный почти немислимыми специями... Зеленый чай в пиалах с узорами из полупрозрачных рисовых зерен... И наша Александра в экзотических бусах и платье из шелковой ткани с характерным узбекским рисунком... Полагаю, этот исключительный даже для позднебрежневской Одессы шарм, в какой-то мере, был ее данью памяти детства, о котором она опасалась говорить вслух.

Наедине она также была немногословна. После двух-трех фраз закрывала тему: **«Как-нибудь потом расскажу»**. Только во времена перестройки она поведала, что в 1937 г. отца спас один из высокопоставленных партийных деятелей Средней Азии по фамилии Белецкий. Он никак не подписывал ордер на арест. Поскольку репрессии проводились «по разнарядке», В.Д. Гудков с семьей успел выехать в европейскую часть страны и таким образом **«ускользнул от бредня»**, а предупредивший трагедию человек вскоре застрелился...

Этот случай, надо думать, не раз обсуждавшийся в семье, стал уроком для маленькой девочки на всю жизнь: **«не терять человеческого облик»** в любой ситуации! Когда мы наедине обсуждали запрещенного в то время «Ивана Денисовича», я выражал сомнения в художественных достоинствах произведения А. Солженицына. А она обращала внимание на то, что истинная порядочность людей не зависит от званий, должностей, партийных билетов и даже от крайних невзгод.

Не случайно в ее экспедициях 70-х гг. ушедшего века часто появлялись сезонные работники из далеких от Одессы крупных городов, сами еще более далекие от археологии, как научной, так и романтической. Обычно это были средних лет женщины с усталыми взглядами, осунувшимися лицами и **«дымчатыми»** волосами. Об одной из них участники экспедиции шептались, что она пострадала за сотрудничество с академиком Сахаровым. Громким спорам за столом или вокруг костра диссидентки предпочитали разговоры с глазу на глаз. Если собеседник им «показался», могли предложить почитать привезенный издаелека «самиздат».

Помню отпечатанные под копирку небрежные и не всегда внятные строчки на прошедших через многие руки листочках пожелтевшей бумаги (нередко папиросной). Однажды

от проникнувшей доверием дамы я получил в подарок книжечку понравившихся самиздатовских стихов. До сих пор храню 36-страничный сборник, а некоторые из тех строк люблю цитировать:

«Даже стулья плетеные держатся здесь
На болтах и на гайках».

Мне не рискнули назвать имя автора, и прошло несколько лет, прежде чем удалось выяснить, что «анонимом» являлся Иосиф Бродский. К настоящему времени, к сожалению, давно забылись имена тех, кого власть за инакомыслие лишила работы и средств существования; людей, которых Александра Васильевна «спасала» как только могла. Впрочем, имя одного человека сейчас широко известно. Это безвременно ушедший из жизни лидер украинского Руха Вячеслав Черновил, бросавший землю у нее на раскопе в тирской экспедиции, которой руководил тогда И.Б. Клейман.

А.В. Гудкова не скрывала предпочтений к тем, кто приходил к ней «зализывать раны» любой «выставке морд». И если бы ей досталось другое детство, наверное, наша экспедиция не стала бы оазисом вольнодумства. В СССР и за пределами кухонь островков свободомыслия, открытых на свой страх и риск должностными лицами среднего звена, было немало.

Война застала нас в городе Шахты Ростовской области. Мама настаивала, чтобы мы немедленно уехали в Сибирь, но папа не допускал мысли, что немцы могут оказаться в этих местах. Когда же стало очевидно, что все идет к этому, эвакуироваться было уже поздно. Целую зиму 1941-1942 гг. мы жили у самого фронта. Отец должен был до последнего добывать уголь и отправлять его на восток, а потом взорвать шахты, чтобы они не достались врагу в рабочем состоянии.

Когда шахты были взорваны, небольшое количество оставшихся для этого инженеров с семьями эвакуировались на грузовых автомашинах. Мы уезжали буквально на гребне откатывавшейся на восток волны Красной Армии со всей ее техникой. Это было паническое бегство. Я много чего повидала за эти сутки. На понтонной переправе через Дон произошло то, что довольно бледно описано в романе А.А.Фадеева «Молодая гвардия». Мне было, много лет спустя, немного смешно его читать. Фронт быстро перекатился через нас, и мы увидели прекрасно организованную и экипированную немецкую армию, работающую, как часовой механизм. Впечатление было потрясающим. Тогда я не могла

и подумать, что через несколько лет увижу, как развалится этот механизм. Всему гражданскому населению приказали вернуться по домам. Возвращались мы уже на телегах несколько дней и вернулись в свою квартиру, которую сограждане еще не успели разграбить.

Потом на улицах расклеили распоряжение военного коменданта всем гражданам выйти на свою работу. За ослушание — расстрел. Шахтами занялась немецкая горно-инженерная команда. Отец прекрасно говорил по-немецки. Он оказался очень нужным и стал восстанавливать шахты, которые только что взорвал и затопил. Уголь снова потек рекой, на этот раз в Германию.

Когда началось отступление немцев, вся инженерная команда, и немцы, и русские, выехали на Украину в Селидовский район Сталинской области, где еще год добывали столь нужный уголь. Затем таким же образом все оказались в Польше в городе Катовицы на шахтах Верхней Силезии. Отец был инженером-переводчиком: на шахтах работали в основном советские военнопленные. Мы жили в лагере, но пользовались полной свободой передвижения. Папа очень быстро научил меня немецкому языку, и я начала ходить в школу, сначала низшую, затем более высокого уровня. Я всегда и везде училась с большим внутренним рвением и удовольствием. И всегда получала для себя очень много. Это осталось на всю жизнь. Даже и сейчас я каждый день учусь. И сожалею лишь о том, что стало мало сил.

Когда началось освобождение Польши, военно-инженерная команда, видимо, распалась. Русские инженеры, несколько семей, получили предписание добраться своим ходом до определенного места на шахтах Вестфалии. И началось наше свободное путешествие через Польшу, Чехословакию и всю Германию на Рейн. К счастью, мы целыми и невредимыми и все вместе добрались до места назначения. Самым удивительным было то, что в разваливавшемся и распадавшемся государстве на местах сохранялись элементы порядка.

И снова отец работал на шахтах. И снова через нас после двухсуточной артподготовки перешел фронт. Это описать невозможно. Мы отсиживались в каком-то подземном убежище. нас освобождали американцы. Я, наверное, до смерти не забуду, как выглядели те, кто шел первыми в маскхалатах с автоматами наперевес. Они были победителями, но от всего пережитого больше походили на привидения, чем на людей.

Осенью 1945 г. была репатриация. До советской границы мы ехали на военных машинах. нас вернули на то место, откуда мы уехали в Германию.

Каждый человек, выросший в Советском Союзе, многое знает о Второй мировой из книг и непосредственно от участников событий. Рассказ о войне, увиденной глазами девочки-подростка во время неудачной эвакуации в советский тыл, жизни в оккупации, в лагерях для военнопленных на территории Польши и Германии, при репатриации, мне пришлось читать впервые. Лаконичные строки, написанные через 60-65 лет после трагедии, производят сильное впечатление, поскольку за ними явно проглядывает множество не исчезнувших за далью лет деталей. Отроческое сознание **«как губка впитывает»** первые опыты столкновения с реальностью, которая и формирует личность.

«Посеешь характер – пожнешь судьбу». Александра Васильевна знает это не понаслышке, ибо сама является безусловным доказательством данной максимы. Человек в повседневности достаточно жесткий, сколько ее знаю, она не дает покоя ни себе, ни тем, кто находится рядом. Непрерывное обучение – это тоже ее натура. Причем, у А.В. Гудковой потрясающая способность заниматься чем-то новым без всякого урона (по крайней мере, заметного) другим видам своей деятельности. Огромная внутренняя энергия, жажда жизни, стремление преодолевать трудности...

Чем бы ни занималась, она всегда и везде выходила вперед. В короткое время стала ведущим работником сетевого маркетинга Amway, активно участвуя в международных форумах фирмы. Насколько мне известно, постигая учения Н.К. Рериха и Е.П. Блаватской, она также быстро оказалась лидером среди соратников. То же в обществе сознания Кришны. Ее путешествиям и исканиям, простирающимся географически до Индии, может позавидовать подавляющее большинство тех, кто вдвое моложе. Только на Кубу А.В. Гудкова не попала даже по туристической путевке. Профсоюзный функционер – **«гладкая, сытая кошка»** – заявила, что ее незамужнюю никуда не пустят, кроме стран народной демократии. Александра Васильевна поехала автобусом через Румынию ...на болгарские Золотые Пески.

Будучи доктором наук (до совсем недавнего времени количество таких в Одессе среди историков можно было пересчитать по пальцам), она пошла **«в свое удовольствие»** работать дворником. Чтобы свести концы с концами и не влезать в долги, когда Украина обрела независимость и экономика разваливалась, а также чтобы быть на свежем воздухе и помогать природе. Идеологическое обоснование:

«лучше убирать за деревьями, чем за людьми». Александра Васильевна вполне комфортно чувствует себя сразу в нескольких измерениях. Не раз приходилось видеть как во время работы редколлегии журнала духовных знаний, которая собиралась у нее на дому, она способна моментально переключиться на обсуждение археологической тематики.

С интереснейшим описанием пережитого в войну возникает много вопросов. Остановлюсь на главном – это противоречивые оценки событий и ситуаций. Могу предположить, они не являются результатом нестабильности полного опасения времени или искривленного понимания жизни девочки 11-15 лет. С точки зрения психологической антропологии **«самое удивительное»** заключается в том, что текст зафиксировал появление некоторых опорных точек жизненной стратегии, направленной на адаптацию к сложнейшим условиям существования. Реальность, конечно, обуславливает понимание, но и понимание обеспечивает наличие желаемой реальности.

В этом, возможно, отгадка феномена жизнестойкости А.В. Гудковой и еще тысяч людей, чья юность прошла рядом со смертью, не признающей цвета знамен.

Отца арестовали в январе 1946 г. Он умер до суда. Мама пошла работать на шахту. Бабушка умерла на моих руках. Теперь я училась в украинской школе, наверстывая потерянные в нашей образовательной системе годы. Летом 1947 г. грянула страшная засуха, осенью начался голод. Мы с мамой бежали от голодной смерти в Скопин к нашим родственникам. Благо, отменили ограничения на передвижение по железной дороге для гражданского населения. Мы были полумертвыми от голода и потеряли все свое имущество. На несколько дней у меня возник провал в памяти, который никогда не восстановился.

Мамины сестры поддержали нас. Я пошла в среднюю школу, которую закончила в 1950 г. Меня очень любил директор школы Е.О. Зильберберг. Он начал заниматься со мной индивидуально философией. Поздней он пострадал за то, что был евреем. Другая учительница-пенсионерка В.Ф. Титова, закончившая когда-то Сорбонну, для развлечения учила меня английскому языку. Своих учителей вспоминаю с великой благодарностью. Они дали и теоретические, и практические знания, которых хватило на всю жизнь с избытком. В 1948 г. в мои руки попала книга Р. Роллана **«Мистическая история Индии».**

Об Индии я много читала и раньше и очень интересовалась ею. Душа рвалась туда. Думаю, что книга посеяла семена, которые проросли полным цветом сейчас, на склоне жизни.

Закончив школу с Золотой медалью, поступила без экзаменов на исторический факультет МГУ, но на кафедру Среднего Востока, где можно было специализироваться по истории Индии по непонятному стечению обстоятельств не попала. Пришлось заниматься историей Турции и учить турецкий язык. Я училась у блестящих профессоров. На мою научную судьбу более всех повлияли А.В. Арциховский и С.П. Толстов, а кроме того, бесперебойно работавший на факультете философско-идеологический пресс. Марксистско-ленинскую философию приняла сердцем, как истинную науку. Это убеждение продержалось во мне несколько лет, до тех пор, пока я не столкнулась с реальной жизнью после университета.

В соответствии с государственными установками сталинского времени Александра Васильевна не должна была учиться в университете. Чего только стоят объективные анкетные данные отца! Дворянство, казацкое корни, «буржуазный спец», нахождение в оккупированной территории и в тылу врага, сотрудничество с фашистами... Любое из этих обвинений могло бы поставить под угрозу жизнь родных Василия Даниловича, а не то чтобы закрыть дорогу его дочери в вуз. Как ни странно, но можно утверждать, что целое стечение страшных обстоятельств, среди которых смерть папы, обеспечили Саше лазейку для получения высшего образования.

Я помню пожилую с мягкими чертами лица седовласую женщину, которая еще четверть века назад приезжала на месяц-другой в Одессу. Она приветливо встречала и часто угощала произведениями собственной выпечки всех приходивших на огонек. Поскольку в нашу студенческую компанию входила ее внучка, Галя Кондратьева, многие из нас называли гостью из Рязанщины «бабушка». Это была одна из текток по линии матери. Они помогли выжить родным с Украины, где в 1947 г. умерли голодной смертью сотни тысяч людей и были отмечены случаи людоедства.

Московский университет – несбывшийся сон миллионов абитуриентов разных поколений – сразу же открыл двери медалистке из Скопина. Однако когда А.В. Гудкова заявила о своем желании изучать индийскую философию, выходец из Прибалтики, профессор Рейснер спросил:

«А что вы для этого сделали?» Блестящий индолог не оставил двадцатилетней первокурснице выбора, кроме как смутиться и уйти...

По рассказам Александры Васильевны, совершенно неотразимым преподавателем был Б.А. Рыбаков. Безукоризненно одетый, он приходил на занятия с гвоздикой в петлице. Великолепный лектор выкладывал все свои знания, не считаясь с тем, что на первом курсе часто невозможно их воспринять вглубь, а временами и понять. Лекции А.В. Арциховского были наполнены точными образными выражениями и метафорами. Некоторые из них приходилось слышать и мне. Когда нам доводилось расчищать погребения или другие сложные комплексы, А.В. Гудкова с удовольствием повторяла слова своего учителя: **«Глаза должны быть на кончике ножа!»** Хорошо помню и правило археологического доказательства, приписываемое Артемию Владимировичу: один факт – ничто, два – надо присмотреться, три – закономерность.

В начале марта 1953 г. студентке III курса Александре Гудковой, подобно миллионам рядовых советских людей, довелось пережить смерть любимого вождя и отца всех трудящихся Сталина. В траурные дни ей, чтобы не выделяться из общей массы однокашников-историков, приходилось «идти в народ», агитировать сквозь коллективные рыдания теснее сплотить ряды вокруг партии большевиков...

Она много раз вспоминала, как едва не погибла на Трубной площади, пытаясь с группой товарищей пробиться к Дому Советов, чтобы поклониться усопшему «великому другу молодежи». Попав в огромный людской водоворот, они не были раздавлены только потому, что парни взялись крепко за руки и образовали вокруг девушек кольцо. Обезумевшая толпа долго катала их как шар, увлекала за собой и бросала на каменные стены домов, пока, наконец, не **«выплюнула»** этот живой ком в какой-то пустой переулок. В следующие дни всю Москву будоражили разговоры, что **«сталинская Ходынка»** стоила жизни тысячам граждан...

После Трубной площади она не пошла больше на улицы, а отправилась в читальный зал Исторической библиотеки. Там занималось несколько десятков студентов. На это нужно было больше мужества, чем для того, чтобы в слезах ходить по улицам. О событиях не говорили, но смотрели друг на друга с понимающей улыбкой. Кто-то принес коробку конфет и угостил всех.

Всегда с теплотой вспоминаются друзья студенческой молодости. Они были всякие:

и представители тогдашней «золотой молодежи» столицы и выходцы из глубинки; сделавшие блестящие карьеры и неудачники; трезвенники и напивавшиеся «до состояния положения риз». Александра Васильевна называет внучку Кагановича, о котором не раз слышала неплохие отзывы от папы, работавшего под началом наркома угольной промышленности. Еще Мальков – внук или сын коменданта Кремля, того, кто лично расстрелял несчастную Фанни Каплан. Были и другие ребята с улицы Горького – «они все держали язык за зубами». С улыбкой А.В. Гудкова говорит о болгарке, никак не понимавшей значения слова «хвост». Гордится тем, что училась в университете в одно время с Горбачевым, которого и теперь даже в частных разговорах называет исключительно «Михаил Сергеевич». Однако особые слова она находит, когда вспоминает о своем «приятеле», талантливейшем востоковеде А.П. Новосельцеве. Увы, Анатолий Петрович, сыгравший положительную роль и в моей научной судьбе, уже лет десять как покинул наш мир.

После 2-го курса начала каждое лето ездить в Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию в качестве лаборанта на раскопки и быстро приобрела хорошую квалификацию раскопщика. Кара-Кумы и Кызыл-Кумы стали для меня надолго родным домом. Тогда там еще была первозданная не испоганенная природа во всем ее великолепии и мощи. Часто она была нешуточно опасной.

История и археология древнего Хорезма полностью захватили меня. Кроме всего прочего, это было бегство от реальности нашего страшного общества. Археология, по сравнению с другими отраслями исторической науки, была мало идеологизирована. Только вся проблематика, связанная со славянами и германцами была очень тенденциозной. Я все это очень быстро поняла и отшатнулась от славянских проблем. Ирония судьбы непредсказуема. Во второй половине жизни я стала специалистом по черняховской культуре, которая меня никогда глубоко не интересовала.

Я закончила университет с Красным дипломом. По причинам, связанным с моей биографией, которую до 5-го курса скрывала, не попала в аспирантуру по истории Турции. И слава Богу! Чтобы не порывать с Хорезмской экспедицией я взяла назначение в Каракалпакский историко-краеведческий музей в городе Нукусе. Он находится там, где в те времена была вершина дельты Аму-Дарьи, между Кара-Кумами и Кызыл-

Кумами. Очень скоро перешла на работу в сектор археологии и этнографии Кара-Калпакского филиала Узбекской академии наук. Жизненный путь был определен. Мамы скоро не стало.

Целиком и безраздельно отдавалась археологии. Моей кандидатской диссертацией руководил С.П. Толстов. Он был в то время директором Института этнографии АН СССР. Это был большой ученый, который многому научил меня. Вернее сказать, сформировал меня как исследователя, хотя близких человеческих отношений у меня с ним никогда не было. Я всегда очень ценила его знания и преданность делу. Тринадцать лет в Нукусе прошли во внутреннем полете. Копала все «от неолита и до главлита», как мы тогда шутили.

Я была ординарным археологом. Мое поколение – это те, кто принял эстафету от таких корифеев первооткрывателей древней Средней Азии как А.Н. Бернштам, М.Е. Массон, С.П. Толстов, А.М. Беленицкий. Мы все были примерно одного очень хорошего научного уровня. Это заслуга таких учителей. Я не сделала каких-то «глобальных» открытий, но шла вместе со всеми среднеазиатскими коллегами моего возраста. Мне было дано положить свои кирпичи в общее здание изучения древней истории Средней Азии, а в здании каждый кирпич имеет свое место и значение.

Судьба послала открытие, которое мог сделать любой другой археолог. В этом нет личной заслуги, но радость я получила огромную. Раскапывая Ток-Калу, нашла могильник VII-VIII вв. с погребениями чистых костей по зороастрийскому обряду в оссуариях – алебастровых ящичках с крышками. На них оказались цветные иллюстрации погребального обряда и датированные по хорезмийской эре надписи. Они были сделаны на хорезмийском языке шрифтом, применявшимся в Хорезме до арабского завоевания. Эти надписи дали в частности, ключ к пониманию хорезмийской эры, которую упоминает аль-Бируни. Надписи прочитал В.А. Лившиц, которого я срочно выписала в экспедицию из Ленинграда. Большая и наиболее сохранившаяся часть этих надписей опубликована. Опять же ирония судьбы, даже двойная. Первая. Эта находка по праву «первородства» должна была быть сделана С.П. Толстовым. Вторая: я эти надписи нашла, издала, но прочитать естественно не могла. В Средней Азии у меня были ученики. Они защитили диссертации. Не моя вина, что не стали крупными учеными. Наука требует жертвенности.

В Средней Азии полностью реализовалась жажда путешествий. Яркая страница жизни и

работы в Нукусе это отношения с коллегами. Состав работников Кара-Калпакского филиала был интернациональным: молодые специалисты, приехавшие из центральных городов России, как и я, по распределению, корейцы, которых Сталин выселил с Дальнего Востока, видный ихтиолог Османов, сосланный в Нукус, поскольку был крымским татарин. Мы жили дружно. Наши руководители происходили из местных тюркских национальностей. Большинство было интеллигентами и учеными в первом поколении. При всей этой пестроте, отношения были очень человеческими и дружелюбными. С большим теплом вспоминаю заведующего сектором археологии и этнографии Вахида Шалекенова – потомка ишана, офицера во время войны, директора Института истории языкознания Сабыра Камалова, председателя филиала Марата Нурмухамедова. А потом наступил внутренний перелом. Жизненные ситуации заставили меня уехать из Нукуса.

А.В. Гудкова училась по подложной биографии, которую сама сочинила в приемной комиссии МГУ на Моховой. На выпускном курсе она написала об этом заявление в факультетский комитет комсомола. **«Было личное дело, строгач и гора упала с плеч. Больше я никогда ничего не скрывала».** Знаменитый османист проф. Миллер, который звал к себе в аспирантуру, на историю Турции, решил приглашение на год отложить, пока все успокоится и забудется. Через год Александра приехала к нему, поблагодарила и сказала, что связала свою профессиональную судьбу с археологией Средней Азии.

В 1964 г. А.В. Гудкова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Ток-Кала (исследование комплекса археологических памятников IV-XI вв. в Северном Хорезме)». На ее основе затем была издана книга. Когда она переехала в Одессу, наличие этой монографии стало предметом не только белой зависти многих коллег. Так было вплоть до 80-х гг.

Жизнь и полевая археологическая деятельность в Узбекистане и Туркмении, несомненно, еще больше закалили недавнюю выпускницу университета. Подумайте только: что означала неженская работа в мусульманском мире среднеазиатских республик того времени? Рассказы А.В. Гудковой о практически ежедневных столкновениях с суровой реальностью Востока – это яркие свидетельства включенного наблюдения антрополога. Хотя стычки с басмачами к тому времени переключались в анекдоты,

даже «товарищу Сухову» мало бы не показалось... В действительности среди образованных начальников тюркского происхождения все чаще встречались мужья русских жен. Однако традиционная культура решала принципиальную проблему: как воспитанным в патриархальном духе местным мужчинам обращаться с эмансипированными русскими женщинами? Ответ был до ужаса прост: воспринимать их как равных себе, словом как мужчин! В свою очередь, для тех, кому было отказано в признании слабости пола, это открывало возможности совместных с мужчинами действий – от работы до ругани и **«возлияний».**

Александра Васильевна не раз с удовольствием объясняла, как летом места для банкетов устраивали в тени карагачей на мостиках над арыками. Восседали на коврах, плов брали руками, пили водку и зеленый чай. Однажды, когда одна из присутствующих женщин с брезгливостью отнеслась к упоминанию водки да еще в таком сочетании, рассказчица возразила: «Почему же, это вкусно».

Дом А.В. Гудковой в Нукусе в какой-то момент превратился в центр притяжения для европейски образованных людей. Как-то ее гостем был уже освобожденный с поста главного редактора журнала «Новый мир» Константин Симонов. Здесь часто бывали многие местные и даже всесоюзные знаменитости. Одни становились близкими, другие только промелькнули. Нельзя не сказать о И.В. Савицком – замечательном художнике, долго работавшем в Хорезмской экспедиции. Он в одиночку собрал великолепные образцы живописи, включая полотна Шагала, а также потрясающую коллекцию прикладного искусства кара-калпаков – вышивку, чеканку, резное дерево, ювелирные изделия, ткань. Эти материалы и теперь являются украшением Нукусского музея, а многие из них представлены в отдельном альбоме по этнографии края. Это издание Александра Васильевна хранит особенно бережно.

То было время оттепели, весны шестидесятников, когорты, к которой по праву можно отнести и нашего юбиляра. Разоблачение культа личности для нее было личной проблемой, поэтому она не могла не приветствовать этих действий Н.С. Хрущева. Однако его **«завиральные идеи»** озадачивали многих уже тогда. К попытке осуществления одного из **«безумий»** эпохи Александра Васильевна имела прямое отношение. Речь о поднятой Хрущевым новой волне воинствующего атеизма. Для разоблачения религиозных воззрений избрали известней-

ший мусульманский мавзолей, служивший местом ежегодных массовых ритуалов. Так как, по представлениям верующих, захороненный святой якобы рос в земле, археологам поручили провести раскопки, чтобы научно положить конец выдумкам священнослужителей. А.В. Гудкова с отвращением говорила, что в погребальной камере находились одни тряпки. Однако не меньшее негодование у нее вызывали партийные обличители шарлатанства. Эффект открытия гробницы получился прямо противоположным. Рядовые поклонники культа уверовали в то, что свершилось чудо – погребенный погрузился в глубь земли, чтобы не быть оскверненным безбожниками...

Без малого четыре десятилетия прошли с тех пор, как она покинула Кара-Калпакию. С каждым годом связующих нитей с краем Красных и Черных песков становилось все меньше. Конечно, она туда ездила на конференции и по другим делам. Однажды ее, никогда не державшую в доме телевизор, нашли через «Клуб кинопутешествий» Юрия Сенкевича по записке, оставленной когда-то в одном из помещений средневекового пещерного города. Она опять ездила. Встречалась с новыми знакомыми и старыми друзьями. А теперь, как сказано еще Александром Сергеевичем, «иных уж нет, а те далече...»

Подозреваю, что она испытывает какую-то миссионерскую предрасположенность к туркам. В самом деле, росла среди узбеков, в университете специализировалась на турках, потом 13 лет жила в Нукусе. Да и казацкое родство не чуждо этой линии, вспомнить хотя бы Григория Мелехова. Качество, привитое с детства, оказалось востребованным и «в степях зеленых Буджака». Как выяснилось, Александра Васильевна легко общалась с местными турками-христианами – гагаузами.

К экспедиции в болгарском селе Нагорное как-то прибилась тихая гагаузская девушка Паша. Вчерашняя школьница из соседнего села мечтала учиться, хорошо знала поэзию, вела дневник на родном языке, для которого она придумала особый шрифт... Домой не собиралась, поскольку родители не хотели, чтобы она продолжала сидеть у них на шее и думали побыстрее выдать ее замуж. «**Это ж надо!**...», – сокрушенно восклицала начальник экспедиции. Через год или два я встретил Пашу все в той же квартире на проспекте Шевченко. Она была студенткой университета. «**Самое удивительное**, что поступила сама, без помощи и протекции».

В Одессе А.В. Гудкова долго не расставалась со своей «азиатской» библиотекой. И только сравнительно недавно она отправила эти книги в музей Нукуса – туда, где они нужнее, на их «историческую родину».

И вот я доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Одесского Государственного университета. Кафедрой заведовал П.О. Карышковский. Он был такой же замечательный ученый и такой же сложный человек, как и С.П. Толстов. Мне везло. Предметы, которые я преподавала, были самыми древними: археология, этнография, история первобытного общества, история Древнего Востока. Здесь реализовались мои ораторские способности и жажда передавать знания, но жить без полевых исследований я не могла.

Помню, как поразили меня условия полевой работы на новом месте. Мне они показались по сравнению с Кара-Кумами или Устьюртом очень похожими на загородную прогулку. Судьба сдала карты и мне выпала черняховская культура вместо триполья, к которому очень стремилась. Очевидно, все имеет свой смысл. Многие повороты своей судьбы я поняла в последнее время. Этот еще предстоит понять. Кафедра проводила большие археологические исследования. В них нашлось место и мне, и образовавшемуся кружку студентов и любителей летнего «отдыха» в археологических экспедициях. Снова начался внутренний полет. Моим новым домом стали степи Северо-Западного Причерноморья. Сначала я вела разведки в Буджаке. Потом меня «подобрал» И.Б. Клейман на раскопки древней Тире. Здесь я копала с ним и С.Д. Крыжицким 8 лет. Это яркая страница жизни. К античности невозможно относиться безразлично.

Завершением всего этого оказался переход на работу в отдел археологии Северо-Западного Причерноморья ИА АН УССР и затем защита второй диссертации. Много лет я была начальником Измаильской новостроечной экспедиции. Нахлебалась всякого, прежде всего, в человеческих отношениях. Но никого не виню. Причины были во мне. Сейчас я это понимаю. Хорошего было больше. И в первую очередь это общение с моими друзьями, которые сначала были студентами, а затем стали коллегами. Я учила их всему, что знала сама. Те из моих студентов кто стали исследователями, это тоже плод моей деятельности. Рада, что с некоторыми из них я работала как с соратниками и писала как с соавторами. Другие же пошли в науку своим путем – зеленый свет им.

В степях Северо-Западного Причерноморья я внесла свою лепту в учет и картографирование памятников археологии в степной части Одесской области. В новостроечных исследованиях, где приходилось копать все и быстро, я стремилась документировать хорошо. Думаю, что на 100% это удавалось не всегда. Сейчас мне кажется, что в дневниках и других полевых документах многое сделано лучше, чем в отчетах. Сильным личным переживанием у меня был опыт применения на кургане в Холмской группе и на Крестовой могиле среднеазиатской методики раскопок ножом и кисточкой дневной поверхности древнейших погребений. Это дало возможность «выудить» массу деталей, которые были бы уничтожены, если бы по этому уровню прошел нож бульдозера. Думаю, что так иногда и происходило. Так теряется «аромат» прошлого.

Параллельно и независимо друг от друга, но, тем не менее, объективно совместно с Б.В. Магомедовым мы создали научное представление о степных памятниках черняховской культуры.

Новое археологическое открытие — памятник типа Этулия мы начали изучать параллельно с Т.А. Щербаковой. С теплом вспоминаю, как многое мы обсуждали с ней. Однако развернуть осмысление досталось мне. Насколько оно правильно, покажут будущие исследования.

Мне принадлежит представление о существовании в первой половине I тыс. н.э. позднескифской культуры в степях от Нижнего Днестра до Нижнего Днестра, включая хору Ольвии и сельскохозяйственную округу Тире. Понимаю, что в моих определениях есть спорные положения, но думаю, что сам факт существования особой группы населения, очевиден.

С 80-х годов на поверхность моей жизни пробился ранее четко не видимый даже для меня самый поток совсем иных интересов. Как незаметно и неслышно бежит весной под толщей снега ручеек талой воды, знаменуя грядущие изменения, так и во мне стал переходить в активную форму поиск смысла жизни. Он начался давно. Первые яркие вспышки были в Средней Азии, но я тогда мало что поняла и не придавала значения происходящему. Я очень интересовалась наукой в целом, много читала и постепенно начала осознавать ее ограниченность. Мне стало ясно, что существуют огромные пласты универсума, к которым она даже не знает, как подойти, а потому отрицает само их существование по принципу «этого не может быть потому что не может быть никогда».

Меня всегда поражало то, что западноевропейская философия не имеет практического при-

ложения и ничего в жизни не может ни изменить, ни улучшить, а временами даже и объяснить. Тема эта сложная и развивать ее здесь подробно вряд ли стоит. Знакомство с теософией Е.П. Блаватской, а затем с учением Агни-Йоги Рерихов. Активная работа в Рериховском обществе, а затем в редколлегии, издававшегося им журнала «Путь познания». Все это подготовило меня к принятию философии вайшнавизма как высшего Знания и программы жизни. Я член ISCON (International society of Krishna consciousness), т.е. международного общества сознания Кришны. Этот синтез науки и веры полностью перевернул все мои жизненные представления. Постигание этого Знания наполнило мою жизнь светом и смыслом. Поездки в Индию укрепили это осознание. Мои печатные работы, отражающие духовные искания, приведены в конце списка трудов. Если мне еще отпущено время, то я потрачу его на работу в этом направлении.

Многие события одесского периода жизни А.В. Гудковой могу оценивать как свидетель или же как их непосредственный участник. Мой курс был последним на истфаке, слышавшим ее учебные лекции. Слушать и понимать материал было легко, поскольку доцент излагала свои мысли ясно и точно «по делу», не допуская уводящих далеко в сторону рассуждений. Ее несколько напряженная и суховатая манера преподавания не позволяла аудитории расслабиться. Кажется, поэтому часть студентов, если не боялась, то побаивалась Александру Васильевну, ее вопросов, замечаний, голоса и взгляда.

А.В. Гудкова, несомненно, одна из самых замечательных фигур в весьма колоритной археологической Одессе. Попробуйте, заговорить о ней с кем-то из коллег и вы тут же получите массу позитивных и негативных мнений. Уверен, что не будет единственной оценки — «нулевой». Этого человека почти невозможно воспринимать спокойно. Однако всем хорошо известно, что «заклучить альянс» с Гудковой, значит получить надежного союзника. То, что она обещала, как правило, делала. И на факультете, и в Академии наук всегда чем-то будоражила коллег. Наверное, поэтому была неудобна многим. Ее узнаваемые определения «пустился во все тяжкие», «накуролесил», «до поросьячьего визга», «нашел синекуру» или «главный мафиози» не могли оставаться тайной за семью печатями. В конце 1979 — начале 1980 гг. она часто вслух разными интонациями говорила о «новогоднем подарке» властей советским людям — вводе войск в Афганистан.

С ее уст практически никогда не сходили вариации на тему А.К. Толстого **«Земля у нас богата, порядка в ней лишь нет»**. В недавние времена многие люди в самом деле боялись, что нахождение рядом с таким человеком может бросить тень неблагонадежности и на них.

Парадоксальность и непосредственность А.В. Гудковой иной раз **«убивала наповал»**. Вот какую историю она рассказала о себе сама. **«По долгу службы»** ей часто приходилось ездить в Киев обычно фирменным поездом «Черноморец», прибывавшим в столицу Украины рано утром. В одну таких из поездок Александра Васильевна решила позавтракать булочкой и кефиром в центре города, рядом с памятником Шевченко. Идиллию нарушил милиционер, который заявил, что в этом месте кушать не положено. В ответ он услышал: «А вот он бы никогда не запретил...» Страж порядка, ошарашенный апелляцией к Тарасу Григорьевичу, исчез в одно мгновение.

Ей нравилось общаться и работать с молодежью. Она это делала **«на полном серьезе»** и в поле, и в городе. И здесь с ней мало кто в Одессе мог бы потягаться. На первом курсе мне пришлось писать курсовую работу по истории Древнего Востока. Конечно, опус об отражении фольклора Двуречья в Ветхом Завете был **«не бог весть что»**... Не смотря на это, все мои огрехи (от двух до пяти на каждой странице) были красным цветом исправлены и прокомментированы, иногда единственным словом **«Чушь!»** В конце текста прилагался листок с указаниями к действиям и названиями упущенных работ по теме. Так было и тогда, когда я писал свои первые статьи о черняховских находках в Первомайском, бусах римского времени из Мологи и западных пределах Золотой Орды. Едва ли не половина студенческого сообщества сбегалась, чтобы почитать гудковские маргиналии...

Скоро можно будет отметить 30-летие наших первых совместных археологических вылазок и экспедиций. Не берусь сейчас рассказывать подробно о разведках и раскопках. Ограничусь перечислением памятников, исследование которых связано с ее именем. У Днестровского лимана – это городище античной Тиры и памятники в ее окрестностях – Молога, Беленькое; в буджакской степи – Главаны, Холмское; в Придунавье – Фурмановка, Волчья Балка, Дракуля, Нагорное... Изученные поселения, курганы и грунтовые могильники дали множество ценных находок. Солидная доля полученных материалов легла в основу докторской диссер-

тации А.В. Гудковой **«Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э.»**, защищенной в 1988 г. в Киеве. Другие коллекции разрабатываются теми, кто был все эти годы рядом или еще ждут своих исследователей.

Александра Васильевна всегда была человеком общественным. Нас, своих учеников, собравшихся вокруг нее в основном во время раскопок Мологи 1976 г., она возила или посылала в экспедиции и на конференции, знакомила с известными учеными и новинками исторической мысли, **«подсовывала»** интересные книги и рекомендовала посмотреть тот или другой фильм. Она находилась в курсе всех событий. Транзисторный приемник «Океан» ежедневно доносил до нее все **«голоса»**, а телевизор она **«не заводила»** по принципиальным соображениям. Мы не раз обсуждали с ней «Андрея Рублева» и «Сталкера» Тарковского, Прометея Мештерхази и образы Ильи Глазунова. Она была активным участником «моложских» вечеринок, хотя **«ночных бдений»** избегала. С удовольствием слушала экспедиционные песни и нередко сама напевала романс «Мой костер в тумане светит»...

Присущая ей загадочность и вера в таинственное нередко пробивались наружу еще тогда, в том числе и в частых восклицаниях: **«Мистика какая-то!»** Она говорила, что маленькие дети знают пугающе много, гораздо больше, чем считают взрослые. Помню ее поездку в одно из сел Буджака, где местный житель после закрытия церкви соорудил на своем огороде собственную молельню. Были мы с нею и на выставке Н.К. Рериха. Запомнились Гималаи в розовых льдинах и множество оттенков полярных цветов – красного и фиолетового. Мне кажется, Александра Васильевна видела что-то другое...

В «Альтернативе вершины Ключ» Юрия Визбора я прочитал: «Она была хороша той недостижимой в городах привлекательностью, которой одаривают горы, леса, тундры, моря скромных геологинь, изыскательниц, топографинь, археологинь. <...> О, женщины, прибывшие издалека! Какие за вами тянутся чернобурые хвосты далеких тайн!» А.В. Гудкову многие знали именно такой. Однако со временем у нее возникла потребность идти еще дальше – «за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы». От варварского населения степей Северного Причерноморья римского времени к вневременному, бесконечному, немислимому – ведической философии и эзотерике.

Не разбираюсь в этих материях и скептически смотрю на «герметические» учения. Но «наука умеет много гитик», и я ясно вижу, что погружение в них дает Александре Васильевне возможность продолжать жить полноценно и в режиме реального времени. А.В. Гудкова, с которой мы недавно общались, полна археологических планов. Одни будут реализованы самостоятельно, другие – в соавторстве. И если для их воплощения она заручилась поддержкой Агни, который «алый, как скаковой

конь» (Ригведа 1972: 101), значит, «внутренний полет» продолжается.

У Александры Васильевны это происходит «в ярком свете самосознания». А я-то думал, «мы летим, ковыляя во мгле». Жертвенное пламя, ковер-самолет, конек-горбунок, ступа с помелом... Не все ли равно!?

Мне думается, весь жизненный путь юбиляра учит, что каждый творческий человек должен выбирать летательный аппарат по себе.

Спасибо, Учитель!

Николай РУССЕВ

P.S.

Редакция журнала получила письма людей, работавших в разные годы с А.В. Гудковой. Среди них профессиональные археологи и любители полевой романтики. Естественно, это и те, кто для кого слово «Молога» не просто географическая точка на берегу Днестровского лимана.

Отрывки из присланных текстов публикуются без купюр.

Светлана Иванова, археолог, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела археологии Северо-Западного Причерноморья Института археологии НАНУ:

«Так получилось, что моя учеба на первом курсе исторического факультета Одесского Университета им. И.И. Мечникова началась не 1 сентября, а на несколько дней позже. И первая лекция, на которую я попала, была лекция по археологии Александры Васильевны Гудковой. Кроме археологии, она читала студентам-вечерникам лекции по истории Древнего Востока.

Вновь я встретилась с ней, когда пришла на 4 курсе работать в отдел археологии Северо-Западного Причерноморья. Это было в 1976 году. Александра Васильевна в течение многих лет была начальником Измаильской экспедиции, которая занималась раскопками курганов и поселений на территории Буджакской степи.

Ее постоянно окружали студенты, которые вместе с ней обрабатывали результаты раскопок. Через Измаильскую экспедицию «прошли» археологи и Украины и Молдовы: Геннадий Тощев, Михаил Фокеев, Андрей Добролюбовский, Николай Руссев, Евгения Редина, Светлана Паламарчук и другие. Наверное, каждый из них вспоминает и Александру Васильевну, и работу под ее руководством. Хоть и было это 25 лет назад».

Александр Фридман, издатель археологической литературы, начавший первым в Украине публиковать работы археологов на английском языке:

«Мир так устроен. В 25 лет с восьмью классами образования я решил стать археологом. О поступлении на истфак не было речи. А зачем туда поступать? Пойду, и буду учиться. Так и сделал. Пришел 1 сентября на вечернее отделение, сел за парту, и целый год слушал лекции.

Мне сильно захотелось поехать в экспедицию. Я прекрасно понимал, что ничем такой чести не заслужил. Рискнул обратиться с этим пожеланием к Александре Васильевне.

– Завтра в 8.30 на автовокзале у 7 платформы. – Больше ничего не было сказано.

С тех пор у меня все отпуска стали археологическими: Средняя Азия, Волга и, конечно, Бессарабия.

Прошло много лет, но я хорошо помню, с чего все началось».

Геннадий Батизат, археолог, исследователь древних культов:

«Я впервые познакомился с Александрой Васильевной в июне 1990 года, когда поступил на работу в Одесский отдел археологии. Меня попросили помочь ей выехать с экспедиционным оборудованием в Нагорное. Там я сразу нашел с ней общий язык в беседах по философии, исто-

рии и религии. После этого знакомства, на протяжении всего периода моей работы в отделе я часто беседовал с ней на подобные темы.

Она сразу же поразила меня, с одной стороны, своим боевым духом, а с другой необыкновенным спокойствием и отрешенностью».

Галина Кондратьева, программист, раскопщик с 15-летним стажем, племянница А.В. Гудковой:

«Александра Васильевна Гудкова, у нас дома ее называли тетей Сашей. Мы, тогда еще дети, ждали ее приезда из далекой Средней Азии с волнением и благоговейным страхом. Нам ставили в пример ее невероятную трудоспособность, успехи в науке, золотую медаль в школе, сталинскую стипендию в МГУ.

Наши судьбы окончательно пересеклись в Одессе. Археологические экспедиции для меня, математика и программиста, стали школой жизни, а тетя Саша моим учителем. Не столько в археологии, сколько в системном подходе при работе с любой информацией, при решении любых задач.

Сейчас это мой друг и один из самых близких мне людей».

Игорь Бруяко, археолог, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Одесского археологического музея НАНУ:

«С Александрой Васильевной тесно связана моя археологическая юность, с того самого момента, когда я 16-ти лет от роду оказался в экспедиции на Алтын-Депе, где по счастливому стечению обстоятельств в том году была и Гудкова. Именно по счастливому, потому что там, в Туркмении, она предложила мне, провалившему вступительные экзамены в университет, поработать сезонным лаборантом в Отделе археологии Северо-Западного Причерноморья. И следующие два года вплоть до призыва в армию я работал в составе Измаильской археологической экспедиции, которую и возглавляла Александра Васильевна.

Я вправе считать ее своей крестной матерью в археологии, о чем и признался ей однажды. Не учителем, а именно наставником, который об этой своей роли, конечно же, не подозревал. Да и я в то время тоже. Осознание этого пришло со временем, когда уже есть над чем поразмыслить из прожитого и пройденного. Сейчас я думаю, что вышел на свою нынешнюю стезю во многом благодаря судьбе, которая свела меня в свое время с Александрой Васильевной Гудковой».

Татьяна Крушельницкая, инженер, преподаватель Одесского мореходного училища:

«Наше знакомство состоялось в далеком 1975 году, когда я, молодой специалист, совсем не исторического профиля напросилась волонтером в Моложскую экспедицию, чтобы во исполнение своей детской мечты, прикоснуться к сказочным загадкам археологии. Этот случай моей жизни возможно бы остался эпизодом, если бы не свел меня с Александрой Васильевной, человеком равнодушным к окружающим в решении профессиональных и бытовых проблем. В экспедиции пришлось выполнять разную работу: и совсем простую и требующую специальных знаний. Ставя очередные задачи, А.В. Гудкова всегда разъясняла их цель, показывала правильные решения.

А потом были вечера, когда Александра Васильевна вела неспешные повествования о своих первых экспедициях в Средней Азии, о педагогике, о медицине. Их было великое множество. Эти рассказы были незабываемо яркими, хотя излагались просто и кратко. И сейчас, когда мне самой приходится передавать знания своим ученикам, нет-нет да и задумаюсь: а как бы это сказала Александра Васильевна?

Кроме первой, были еще 5 экспедиций. Потом житейская круговерть. Но в душе моей до сих пор археология накрепко связана с молодостью, Мологой и Александрой Васильевной».

Александр Малюкевич, археолог, научный сотрудник Одесского археологического музея НАНУ, главный хранитель Мологи:

«Поступив в университет, я хотел стать археологом и заниматься памятниками первых веков нашей эры. Среди преподавателей истфака только А.В. Гудкова была практикующим археологом-полевиком, основные интересы которой включали эту тематику. Я просто подошел к ней и спросил, могу ли принять участие в такого рода раскопках. На что она мне спокойно ответила: «Приезжайте в Мологу». Так началось мое 30-летнее знакомство с А.В. Гудковой и Мологой. Она научила меня не только азам полевой археологии, но и всегда пытаться чувствовать памятник, относиться к нему как к живому организму, общаться с ним не только в период работы, но даже (что более важно) до или после окончания трудового дня.

Она не стеснялась часами ползать на коленках с ножом и кисточкой, чтобы досконально определить трудные или непонятные участки на раскопе. Приучила нас бережно относиться к добытым материалам, не пренебрегая де-

тальной обработкой и фиксацией. При всей строгости и педантичности в работе она оказалась неисправимым романтиком. В непопулярной природе Бессарабии она умела находить прекрасные и неожиданные ракурсы, образы, явления и всегда обращала на это наше внимание.

Все знают, что Александра Васильевна прекрасный преподаватель и лектор. Но только те, кто работал с ней в поле, с удивлением открыли для себя какой она интересный рассказчик и собеседник. Сидя у костра, мы не уставали слушать, а она часами говорила на совершенно неожиданные темы. В итоге группа случайно собранных разных людей, превратилась в костяк романтиков Моложской экспедиции. Сдружила нас Александра Васильевна и эта дружба продолжается до сих пор».

Ирина Немченко, историк, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Одесского национального университета им. И.И. Мечникова:

«Моему поколению студентов истфака повезло: уже на младших курсах нашими преподавателями были яркие личности и блестящие профессионалы. Одна из звезд этой плеяды – Александра Васильевна Гудкова. Я прекрасно помню ее глубокие и увлекательные лекции по этнографии и по истории древнего Востока. Не забыла даже, какие вопросы мне достались на экзаменах.

Манера преподавания Александры Васильевны была сдержанной. Темперамент лектора не бил через край, зато ощущалась большая внутренняя сила, проявлявшаяся в логике и убедительности изложения. А иногда приоткрывался покров внешней суровости, например, когда Александра Васильевна рассказывала о герое-авантюристе – археологе Раулинсоне, который, висая на одной руке, другой срисовывал знаки Бехистунской надписи. Она смеялась, а я тогда подумала, как много скрыто в этой натуре, помимо очевидного профессионализма и учености.

Спустя много лет мне посчастливилось ближе познакомиться с Александрой Васильевной. Я узнала, какой высокой духовной организации этот человек, как тонко она понимает жизнь и людей, как умеет оказать моральную поддержку, как постоянно растет над собой.

Спасибо Вам за все, Александра Васильевна! Будьте счастливы!»

Анна Руссова-Мельникова, археолог, историк, преподаватель Николаевского педагогического университета, ныне топ-менеджер в области нетрадиционной медицины:

«Александра Васильевна я благодарна за то, что научила меня логически мыслить и анализировать материал. Я и по сей день восхищаюсь ее талантом – по другому не скажешь – в несколько слов вложить большой объем информации, дару описывать события, используя множество нюансов и оттенков русского языка. Не знаю, можно ли научиться так владеть словом или это дается от рождения. Во всяком случае, своему педагогическому и лекторскому мастерству я обязана тем студенческим урокам, которые она давала нам везде. Помню, как логика изложения материала в лекции по этнографии помогла мне выбраться из очень неприятной ситуации на экзамене. Имея весьма смутное представление о заселении Полинезии, я вспомнила одну фразу из лекции и от нее побрела по тем векам, которые остались в памяти, почти дословно вспоминая текст лекции. Это буквально повергло меня в изумление, но на будущее всегда было эталоном, к которому я стремилась, став сама преподавателем».

Николай Червенков, историк, доктор исторических наук, ректор Тараклийского государственного университета в Молдове, один из первых выпускников юбилея (1972 г.):

«Александра Васильевна подкупала своей увлеченностью читаемым предметом, эрудированностью, умением заинтересовать слушателей рассказами о жизни известных ученых, всякими археологическими и этнографическими историями. Она интересовалась нашими проблемами, могла подойти к каждому индивидуально, помогала в подготовке курсовых работ, даже проходивших по тематике других кафедр.

Мы также не оставались в долгу. Когда ей доводилось отвечать за организацию субботников или поездки на работу в колхоз, проблем не возникало – приходили все и задания выполняли исправно.

Двадцать лет спустя после завершения университета, я ее случайно встретил на одной из районных автостанций Буджака. А.В. Гудкова не только узнала меня, но и легко вспомнила массу деталей моей студенческой жизни. Оказалось, что хорошо осведомлена тем, как складываются моя и многих моих сокурсников карьеры.

Она и теперь прекрасно помнит своих воспитанников. Я просто потрясен...»

Виктория Пилипенко, археолог, «бывшая студентка и бывшая коллега», живущая ныне в США (Нью-Йорк):

«В один из нью-йоркских дней нахлынули воспоминания юности, а они всегда самые светлые и самые интересные. Решила поискать в Интернете, в этом чуде современной цивилизации, давно забытые имена и фамилии из моей короткой, но незабываемой археологической юности. Повезло. Не поверила, но передо мной прошла вереница всех моих сокурсников – археологов и, главное, преподавателей.

Среди них была и Александра Васильевна Гудкова, которая осталась в моей памяти как одна из самых интересных и запоминающихся личностей, встретившихся на моем пути. Как это ни странно, я до сих пор помню ее лекции, ее лирические отступления на лекциях, ее неутомимую деятельную натуру, посвятившую себя этой замечательной и романтической науке – Археологии.

Очень рада, что выпала возможность поздравить Александру Васильевну с 75-летием и пожелать ей всего самого доброго, теплого и замечательного в жизни.

Я всегда почитаю Вас и Ваш талант!»

Анатолий Панчук, историк, директор Овидиопольской районной станции юных техников Одесской области:

«Александра Васильевна для меня – это, прежде всего, умный, начитанный, умудренный жизнью человек, который стремится всегда быть нужным, полезным для конкретного человека и коллектива. Нужной в смысле передать, реализовать свои знания, умения, навыки с максимальной пользой для дела. Поделиться всем этим с теми, кто рядом, с единомышленниками, с теми, кого объединяют общие цели и устремления. А делиться есть чем: ее научные статьи, доклады, монографии остаются актуальными и востребованными. На ее книги ссылаются специалисты-историки и археологи, краеведы и этнографы, языковеды и простые учителя в общеобразовательных школах.

Александра Васильевна – это не только учитель, но и наставник, педагог. Знающий свой материал специалист и умеющий его преподнести. Терпеливый, доступный, но и строгий, требовательный одновременно. Помню, будучи студентом, по несколько раз приходилось переписывать тот или другой текст после критических замечаний А.В. Гудковой. Изложение материала, стиль, отдельные слова и вы-

ражения в тексте тщательно редактировались, критиковались, разъяснялись Александрой Васильевной. Причем, делала она это не раз и не два, но всегда терпеливо, сдержанно, аргументировано. Но зато потом «на выходе», когда материал получался, становилось приятно и за себя, что ты смог это сделать на должном уровне, и за учителя, который помог тебе этого достичь. Кстати, понимание важности такой черновой работы учителя и ученика приходит лишь через время, когда полученные навыки и знания ты сам легко реализуешь в своей работе.

Александра Васильевна – это прекрасная отзывчивая женщина. Она всегда готова прийти на помощь ближнему, подставить свое плечо. Разделить и радость, и печаль, оставаясь при этом всегда человеком».

Евгения Суничук-Редина, археолог, заведующая отделом нумизматики Одесского археологического музея НАНУ, преподаватель Одесского национального университета им. И.И. Мечникова:

«Поздней осенью 1984 года, я сидела на обочине грунтовой дороги, которая легкой змейкой струилась вниз к Дунаю. Солнце еще пригревало, но с посадки уже тянуло осенними холодными ночами, а воздух был наполнен умиротворением и покоем. Подставляя себя под необычайно мягкие лучи Великого светила, глаза медленно закрывались, а душа казалось, парила над этой дорогой, по которой мы топтались почти пять месяцев, над скифским курганным полем, над виднеющимися на горизонте вершинами гор и курганом, на том, румынском, берегу.

Мы заканчивали очередной полевой сезон. Среди этой прозрачной тишины, я вдруг четко услышала скрип повозки, и до меня стали долетать обрывки чужой, непонятной для меня речи, и громкое всхлипывание. На одно мгновение, я их увидела: и повозку с накрытым саваном телом, и людей, идущих за ней. Они шли туда, откуда я только что, спустилась к древнему кладбищу. Это был легкий сон или мираж, нарисованный моим воображением и усталостью, не берусь сейчас судить об этом. Главное, я их увидела. От реальности происходящего вскочила, оглядываясь по сторонам, но дорога была пуста. И вдруг поняла – я прикоснулась, мне позволили.

Наверно это дано не каждому, увидеть текущую по долине реку, которой в миг твоей жизни не существует, ощутить теплоту камня, кос-

нуться отпечатка женской ноги на высохшей глине и собрать, упавшую в колодец низку бус. Миг застывший тысячи лет назад. Александре Васильевне это дано. Этот дар понимать, умение видеть, слышать и чувствовать, а наверно и «летать», я получила у костра, на краю села Молога, когда приехала в свою первую экспедицию. А моим учителем была Александра Васильевна Гудкова. О том, что я уже с «крыльями» узнала значительно позже, когда осталась одна на один с прошлым и настоящим.

Можно говорить о странностях этой личности, неординарности ее мышления или даже о том, как и чему она нас научила. Главное – она научила нас делать то, к чему мы стремились больше всего. Как сказал П.О. Карышковский в одном из своих сонетов, «касаться тайны и дышать свободой». Потом мы еще многому научились, пришел опыт, но то главное осталось...

С Александрой Васильевной – учителем, коллегой, другом – мы прошли не одну сотню километров Буджакской степи. Не всегда удавалось сидеть у костра, разговаривать и мечтать. Но один год для нее и для нас был особенный – год ее 30-летие в археологии. Тогда мы еще были все вместе. Это были раскопки поселения Черняховской культуры у села Главаны. Было все: поздравления и торжественный выезд, подарки и преданная любовь к этому человеку, объединившему нас в археологии.

Мои польские коллеги называют полевой сезон «кампанией» того или иного года. Мы тогда были компанией, только не сезонной, а постоянной. Это она собирала нас после завершения полевых исследований на праздник закрытия сезона. Это у нее в маленькой однокомнатной квартире мы собирались за чаем, разговорами и необычайно ароматным, настоящим, узбекским пловом. Это с ней мы делились нашими важными событиями жизни и у нее искали кров над головой, когда казалось, все рушилось. Это она своей мудростью, рассудительностью, скрытой нежностью поддерживала и питала нас, пока мы росли.

Путь этого человека не легкий, тернистый, а сейчас и вовсе не всем понятный. Но одно я знаю, точно – она проросла в нас, в каждом по-разному, и с разной силой. И жалею только об одном, что археология перестала быть смыслом ее жизни. Но она выполнила свой долг перед прошлым. А теперь ее право жить своим настоящим и будущим. Но любить археологию, а не себя в археологии – научила меня А.В. Гудкова. И когда у моих студентов начинается очередная археологическая «кампания», я в тайне надеюсь, что их компания будет не хуже, а намного лучше нашей, знающей, профессиональной. А мы, как и когда-то Александра Васильевна нам, будем им помогать в этом».

Статья поступила в номер в декабре 2005 г.